

ЭСИМНЕТЫ: ТИРАНЫ, ВЕРНЫЕ ТРАДИЦИЯМ, ИЛИ НЕВЕРНО ПОНЯТАЯ ТРАДИЦИЯ?*

После упразднения царской власти в Греции в конце VIII–VII в. до н.э. политическое лидерство переходит к аристократии, которая создает новые политические институты – сменяемые и подотчетные гражданские magistratury (например, полемархи, пританы, архонты и дамиурги, космы и др.¹), отражающие принцип равенства, который поначалу считался обязательным в аристократической среде. Однако элите аристократии были присущи еще и честолюбие, чувство соперничества и тяга к личному первенству, и ни одна из учрежденных должностей не давала возможности реализовать эти качества. Поэтому, когда складывались благоприятные условия, политические лидеры аристократии, нарушая пропагандируемый ими принцип равенства, стремятся к установлению режима личной власти в форме тирании. Тирания же, не будучи ни официальной должностью, ни титулом, тем не менее открывала неограниченные перспективы для честолюбцев. Несмотря на то что тирания была тем идеалом, к которому стремились и ради которого велась кровопролитная борьба, она (т.е. тирания) уже в древности (в VI в. до н.э.) получила резко отрицательную оценку в самой аристократической среде. Позднее Аристотель отнесет ее к неправильным формам государственного устройства (Pol. III. 5. 4, p. 1279b, 5–10), противопоставив ей «выборную тиранию» – эсимнетию (Pol. III. 9. 5, p. 1285a, 30–b, 4).

Начатое еще Аристотелем обсуждение проблем политического устройства греческого полиса продолжается и в современных научных трудах, причем как в России, так и за рубежом наблюдается заметно возросший интерес к вопросам, касающимся форм единоличной власти. Эта тема остается актуальной, несмотря на то что она много раз рассматривалась как в работах, специально посвященных выяснению сущности и генезиса единоличной власти (в основном исследовалась архаическая тирания², но и архаическая эсим-

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Формирование и воспроизводство демократических элит (пример древней Греции)» (код проекта 03-06-80066). Пользуясь случаем, выражаю свою искреннюю признательность и благодарность Г.А. Тароняну за ценные советы и помощь в работе; Центру греческих исследований (Centre for Hellenic Studies, Washington) и его директору Г. Надю за предоставленную мне возможность работать в библиотеке Центра в июле 2003 г.

¹ *Starr Ch.G.* The Decline of the Early Greek Kings // *Historia*. 1961. Bd X. Ht 2. P. 134–135.

² См., например, наиболее значимые работы: *Plaß H.G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Dargestellt nach Ursachen, Verlauf und Wirkungen. Lpz, 1859; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Bd 1–2. Überarbeitet v. H. Swoboda. München, 1920; *Ure P.N.* The Origin of the Tyranny. Camb., 1922; *Nilsson M.P.* The Age of the Early Greek Tyrants. Dill Memorial Lecture. Belfast, 1936; *Andrewes A.* The Greek Tyrants. L., 1956; *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. Bd I–II. München, 1967 (перевод на рус. яз.: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997); *Mossé Cl.* La tyrannie dans la Grèce antique. P., 1968; *Libero L. de.* Die Archaische Tyrannis. Stuttgart, 1996, и др.

нетия не была обойдена вниманием³, хотя часто оставалась в тени трудов по тирании), так и в рамках исследований отдельных полисов⁴ или истории архаической Греции в целом⁵. Такое постоянство интереса ученых объясняется, с одной стороны, тем, что некоторые из работ были написаны более полвека назад и по своей методике и постановке проблем уже устарели, с другой – состоянием источниковой базы. Во-первых, в научный оборот вводятся новые эпиграфические источники, внося свои коррективы в наши представления, во-вторых, требуют регулярного переосмысления нарративные источники, которые в силу своей очевидной тенденциозности содержат в себе не только факты, но также их трактовку, которую современные ученые часто воспринимают как историческую реальность.

Для того, чтобы приблизиться к правильному пониманию архаической эсимнетии и определить, какое место она занимала в процессе становления политической структуры полиса, необходимо в первую очередь проанализировать сведения различных видов источников, где содержатся упоминания не только об эсимнетах архаической эпохи, но и других эпох, поскольку это даст возможность представить эволюцию употребления термина «эсимнет» и поможет осмыслить то явление, которое этот термин описывал. При этом следует отдельно рассмотреть, как определяет сущность архаической эсимнетии и условия ее появления Аристотель, поскольку теоретические построения именно Аристотеля оказали значительное влияние не только на последующую античную традицию об эсимнетии, но и на современную. Так, некоторые исследователи, основываясь только на формулировках и трактовке Аристотеля, приходят либо к безоговорочному принятию его выводов, порой наделяя их своими концепциями⁶, либо к их отрицанию, т.е. к отрицанию эсимнетии в той форме, как она была определена Аристотелем⁷. Также будут рассмотре-

³ Укажу лишь некоторые работы, в которых архаическая эсимнетия не просто упоминается, а становится предметом исследования. См., например: *Toepffer J. Aisymnetes (1) // RE. Bd I. 1894. Sp. 1088–1092*; *Busolt. Griechische Staatskunde; Nordin R. Aisymnetie und Tyrannis // Klio. 1905. 5*; *Mannzmann A. Aisymnetar // Der Kleine Pauly. Bd I. 1979. Sp. 200*; *Romer F.E. The Aisymnēteia: A Problem in Aristotle's Historic Method // AJPh. 1982. V. 103*; *Борухович В.Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII – начало VI в. до н.э.). Меланхр, Мирсил и Алкей // Античный полис. Межвузовский сб. Л., 1979; Фролов Э.Д. Эсимнетия – выборная тирания // Проблемы античного источниковедения. М. – Л., 1984; он же. Рождение греческого полиса. Л., 1988; *Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции. Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999; она же. Питтак Митиленский (к вопросу об эсимнетии в архаической Греции) // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002.**

⁴ См., например: *Griffin A. Sikyon. Oxf., 1976*; *Kelly Th. A History of Argos to 500 B.C. Minneapolis, 1976*; *Legon R.P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981*; *Salmon J.B. Wealthy Corinth. A History of the City to 338 B.C. Oxf., 1984* и т.п.

⁵ *Starr Ch.G. The Origins of Greek Civilization 1100–650 B.C. N.Y., 1961*; *Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley – Los Angeles – London, 1976*; *Jeffery L.H. Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C. L., 1976*; *Snodgrass A. Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley – Los Angeles, 1980*; *Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 B.C. L. – N.Y., 1996.*

⁶ См., например: Э.Д. Фролов (Рождение греческого полиса. С. 126.) о чрезвычайном характере эсимнетии как народной диктатуры (далее будут даваться ссылки на эту работу Э.Д. Фролова, а не на его более раннюю статью «Эсимнетия – выборная тирания», так как последняя вошла в упомянутую монографию в качестве главы), Х. Туманс (Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2002. С. 232–233) об эсимнетии как частной форме более общего обычая третейского судейства.

⁷ Например: *Gschntzer F. Aisymneten // Lexikon der Antike. IV. Geschichte. Bd I. München, 1971. S. 93.*

ны данные письменных источников, упоминающих существование эсимнетии в различных полисах Греции, чтобы представить себе, насколько позволяют источники, что понимали под эсимнетией сами греки, кого и по каким причинам они причисляли к эсимнетам.

Слово «эсимнет» и производное от него дважды встречаются у Гомера (II. XXIV, 347; Od. VIII, 258–260), и обозначают они различные понятия. В «Илиаде»⁸ употреблено выражение *κοῦρος αἰσυμνήτηρ*, которое обычно понимают как «юноша, благородного происхождения или правитель»⁹. Во втором фрагменте эсимнеты предстают в качестве выборных судей на состязаниях юношей в плясках, устроенных Алкиноем, царем феаков, в честь Одиссея:

αἰσυμνήται δὲ κριτοὶ ἐννεά πάντες ἀνέσταν
δήμιοι, οἱ κατ' ἀγῶνας, εὔπρῆσσεσκον ἕκαστα...

Судьи, в народе избранные, девять числом, на средину
Поприща, строгие в играх порядка блюстители, вышли...

(Пер. В.А. Жуковского)

Слово «эсимнет» в том значении, в котором оно употреблено Гомером в «Одиссее», в дальнейшем стало отправной точкой в толковании сущности эсимнетии, начиная с античных лексикографов (например, Hesych. Etym. Magn. s.v. αἰσυμνήται). В настоящее время слово «эсимнет» понимается по-разному. Одни, взяв за основу употребление слова Гомером в «Илиаде», полагают, что оно негреческое, а заимствованное, скорее анатолийского происхождения, и является обозначением представителя царской семьи или правителя¹⁰. Другие же основываются на значении слова, в котором оно употреблено в «Одиссее». Так, А. Маннцманн и Э. Буазак, признавая греческое происхождение слова «эсимнет», считают, что оно состоит из двух корней: первый αἶσα – «судьба, рок, (пред)определение, решение, доля», второй – μνα-, ср. μινύσκειν – «помнить»¹¹, и для них слово «эсимнет» означает человека, который фиксирует/записывает то, что законно/справедливо. Иногда второй корень учеными выделяется и трактуется по-другому: νῆμεν – «разделять, уделять»¹² или, наконец, ὕμνος – «песнь, гимн»¹³. Последний вариант этимологии, согласно которой слово «эсимнет» содержит слово «гимн», предложенный С.Я. Лурье, хотя и интересен, но не выглядит убедительным; однако его дальнейшее заключение о том, что первоначально

⁸ II. XXIV. 347:

βῆ δ' ἱεραὶ κούρω αἰσυμνήτηρι εἰοικῶς
πρῶτον ὑπληνῆτη, τοῦ περ χαριστάτη ἦβη.

Подем пошел благородному юноше видом подобный.
Первой брадой опушенному, коего младость приятна...

(Пер. Н.И. Гнедича)

⁹ Romer. The Aisymnēteia... P. 27: «A related word denotes or connotes something like prince or young nobleman». Ср. русский перевод.

¹⁰ Andrewes. The Greek Tyrants. P. 96–97; Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968, s.v. αἰσυμνάω.

¹¹ Mannzmann. Aisymnetai.; Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1950⁴, s.v. αἶσα.

¹² См. Toepffer. Aisymnetes (1). Sp. 1088.

¹³ Luria S. Kureten, Molpen, Aisymneten // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1963. T. XI. Fasc. 1–2. S. 36. С.Я. Лурье считает слово «эсимнет» догреческим (Ibid. S. 35. Anm. 32).

эсимнеты были в Греции победителями на музыкальных состязаниях и как победители могли стать государственными лидерами (поскольку, как предполагается, первоначально это были не просто состязания в музыке и пляске, а состязания между возрастными группами для выявления нового правителя)¹⁴. для нас важно, поскольку указывает на смысловую связь слова «эсимнет» со значением «правитель» с древних времен.

Э.Д. Фролов, считая, что слово «эсимнет» исконно греческих корней, также склонен выделять первый корень αἶσα но он не отдает предпочтения ни одному из определяемых в качестве второго корней, полагая, что «так или иначе в слове “эсимнет” отчетливо проступает исконное значение “блюститель права”, что вполне соответствует усвоенной эсимнетом функции судьи»¹⁵.

После Гомера слово «эсимнет» не встречается в письменных источниках вплоть до Аристотеля. Однако эпиграфическими источниками засвидетельствовано существование эсимнетики для классической и эллинистической эпох в различных греческих полисах.

Так, в Милете эсимнет мольпов был высшим эпонимным магистратом полиса в середине V–III в. до н.э. (Ditt. Syll.³ I. № 57, 450/49 г. до н.э. – один эсимнет мольпов; № 272 и № 322 – списки эсимнетов мольпов за 335/4–314/3 и 313/2–260/59 гг. до н.э.). С.Я. Лурье, исследуя эти надписи, реконструирует ту значительную роль, которую играли мольпы и эсимнеты в политической жизни Милета в древнейшую эпоху. Мольпами – «хороводными» – в Милете с давних времен назывались члены мужского союза, который представлял государственное правительство, а мужской дом был местом сбора одновременно и высших слоев общества и местом заседания правящего органа¹⁶. Во главе мольпов стояла коллегия стефанофоров, куда входили вышедшие в отставку эсимнеты, а предводитель коллегии назывался эсимнетом мольпов¹⁷. Таким образом, на основе выводов С.Я. Лурье можно заключить, что в Милете существовала давняя традиция использования слова «эсимнет» в значении «правитель, лицо, наделенное высшей властью».

Что касается многочисленных милетских колоний, то в них точной копии организации эпонимата метрополии не встречается, но в некоторых апокиях эпиграфикой засвидетельствованы схожие структуры. В Иасосе, например, эпонимы назывались стефанофорами, как позднее именовались эсимнеты в самом Милете¹⁸. О существовании эсимнетов мольпов в Ольвии в V в. до н.э. в качестве эпонимных магистратов можно говорить лишь на основании реконструированной Ф. Графом посвянительной надписи Аполлону Дельфинию¹⁹.

¹⁴ Luria. Kureten... S. 34, 36.

¹⁵ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 124, 127.

¹⁶ Luria. Kureten ... S. 33.

¹⁷ Ibid. S. 33, 36.

¹⁸ Bilabel F. Die ionische Kolonisation. Lpz, 1920. S. 132–134. В Милете в V в. до н.э. стефанофорами назывались все полноправные члены союза мольпов, а с III в. до н.э. более древний титул «эсимнет мольпов» заменяется на «стефанофор». См. Poland F. Molpoi // RE. Supplbd VI. 1935. Sp. 515–517; Luria S. Ein milesischer Männerbund // Philologus. 1928. Bd 83. Ht 2. S. 117 ff.

¹⁹ Имеется в виду восстановление ольвийской надписи № 58 (Надписи Ольвии. Л., 1968) Ф. Графом, который дополняет утраченную часть данной надписи по аналогии с формулой в милетской надписи (см. Ditt. Syll.³ I. № 57): ἐπὶ Διονυσ[ο]δωρὸ τῷ Ἀθηναίῳ μολπ[ῶν αἰσχυρῶν]τος. См. Graf F. Das Kollegium der Molpoi von Olbia // Museum Helveticum. 1974. V. 31. Fasc. 4. S. 209 ff. Эта реконструкция была принята отечественными исследователями (см. Карышковский П.О. Ольвийские эпонимы // ВДИ. 1978. № 2. С. 82–84; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 112.).

На Наксосе на рубеже IV–III вв. до н.э. избирались два эсимнета в качестве эпонимных магистратов (Ditt. Syll.³ II. № 955).

В Теосе эсимнеты были высшими должностными лицами полиса во второй четверти V в. до н.э. (Ditt. Syll.³ I. № 38 – так называемые «Teiorum dirae»; один эсимнет). С этим известным фрагментом тесно связана найденная в Теосе в 1976 г. и опубликованная П. Геррманном²⁰ надпись второй четверти V в. до н.э. или скорее 450 г. до н.э., согласно датировке издателя, которая тоже относится к разряду «dirae». Надпись, не очень хорошей сохранности, высечена на четырех сторонах каменной стелы. Главное ее отличие от известного фрагмента заключается в том, что ее содержание охватывает не только Теос, но и Абдеры²¹. находка этой надписи оживила старую дискуссию о сущности эсимнетии – регулярная или экстраординарная магистратура. Новая надпись, по мнению ее издателя, имеет большое значение не только для прояснения смысла ранее известного фрагмента, но и сущности данной проблемы²². Обычно старый фрагмент (ныне пропавший и известный лишь в копиях) понимался как перечень преступлений против государственного закона Теоса – «неповиновение магистратам и в высшей степени предательские происки должностных лиц»²³. П. Геррманн предлагает свою реконструкцию соответствующего параграфа старой надписи на основании имеющегося начала клаузулы нового фрагмента (в этом фрагменте конец клаузулы, устанавливающий наказание, не сохранился):

ὄστις: Τητῶν: (τ) [ῶι ξ]υνωῖ
ἢ αἰσυ[μ]νήτη(ν): [ἰσταί]η: ἢ
ἐπανισταῖτο: (ἐπ') αἰ[συμ]-
νήτη: ἀπόλλυσθαι: καὶ
αὐτόν: καὶ γένος: τὸ κέν-
ο²⁴

Такое восстановление издателя учитывает ранее высказанные наблюдения В. Баннира²⁵ о том, что глагол ἐπανιστάσθαι является термином, обозначающим стремление к установлению тирании и деспотизма и постоянно употребляется в постановлениях, призванных предотвратить тиранию. Надпись гласит: «Тот, кто поставит/назначит для общины теосцев эсимнета или поднимет мятеж с целью учреждения эсимнетии, должен умереть; и пусть погибнет он сам и род его» (перевод. – Е.С.). П. Геррманн делает вывод, что «за теосскими документами стоит основание или укрепление “демократического” общественного устройства после выхода из смут, в которых важную роль сыграл фактор олигархического произвола или тирании, олицетворением которого стала личность эсимнета».

²⁰ Herrmann P. Teos und Abdera im 5. Jahrhundert v. Chr. Ein neues Fragment der Teiorum Dirae // *Chiron*. 1981. Bd 11. S. 1–30. Надпись полностью приводится на с. 6–7 (сторона А), с. 7–8 (сторона В), с. 8 (сторона С) и на с. 8 (сторона D). К сожалению, публикация этой надписи из Теоса не учитывается многими исследователями, как в России, так и за рубежом, поэтому даже в современных работах, посвященных эсимнетии, по-прежнему приводится только давно известная надпись из Теоса (Ditt. Syll.³ I. № 38) для доказательства существования эсимнетии в качестве ординарной полисной магистратуры. См., например, упомянутые работы: Фролов. Рождение греческого полиса. С. 123; Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 63–64; Romer. The Aisymnēteia... P. 29.

²¹ Herrmann. Teos und Abdera... S. 23.

²² Ibid. S. 18.

²³ Ibid. S. 20. Anm. 57.

²⁴ Ibid. S. 20.

²⁵ Ibid. S. 20. Anm. 58.

Рассмотренные теосские надписи представляют собой официальные документы, направленные против попыток установления эсимнетии, и их можно сравнить с документами, направленными против попыток установления тирании (ср., например, аттический декрет об Эрифрах – Ditt. Syll.³ I. № 41; Arist. Athen. pol. 16. 10 – об афинском законе и др.). Таким образом, важность теосских надписей для нас заключается в их свидетельстве о том, что эсимнетия, по крайней мере в Теосе, в отличие от других ионийских полисов, где эпиграфикой эсимнетия засвидетельствована в виде ординарной магистратуры высокого ранга, представляла собой нечто совсем иное и была столь же нежелательной, как и тирания. Можно предположить, что эсимнетия в данном случае имела больше черт, которые сближали ее с тиранией, чем противопоставляли, а также, вероятно, говорить о ее экстраординарном, чем ординарном характере.

За пределами Ионии эпиграфикой засвидетельствовано существование эсимнетии в дорийских Мегарах (Ditt. Syll.³ II. № 642, ок. 175/4 г. до н.э.) и мегарских колониях²⁶, где эсимнеты предстают в надписях в роли дежурной части совета, что дает основание некоторым исследователям сопоставить их с афинскими пританами²⁷. Эсимнетия засвидетельствована в Калхедоне (SIG. II. 3794 – III–II вв. до н.э., коллегия восьми эсимнетов), Селинунте, Селимбрии, в Каллатисе²⁸, в Херсонесе Таврическом (IOSPE. I². 352, 690 – упоминается проэсимнет – II в. до н.э.).

Такая особенность функций мегарских эсимнетов объясняется исследователями необычностью ситуации, сложившейся в Мегарах после прихода дорийцев. Предполагается, что в ионийский период истории Мегариды эсимнетия имела «свойственный ей в древнейшую эпоху религиозно-агональный характер»²⁹. Изменение функций мегарских эсимнетов произошло под воздействием внешнего фактора – дорийского завоевания, прервавшего традиционную для ионийской среды эволюцию (о линии развития, которая считается традиционной, см. ниже) этого института и повлиявшего не только на этническую среду, но и на политическую организацию завоеванной территории. По мере усиления влияния аристократии происходит одновременно и численный рост совета эсимнетов (предположительно туда входили представители не только дорийской, но и ионийской аристократии), что стало предпосылкой для его реформирования, в результате которого появилось деление на двенадцать комиссий, поочередно в течение месяца занимавшихся текущими государственными делами. И к началу колонизации (VIII в. до н.э.) эсимнет – уже не вообще член совета, а лишь член его дежурной комиссии. Эта характерная особенность мегарской эсимнетии прослеживается и в мегарских колониях³⁰.

²⁶ Collitz H., Bechtel F. Sammlung der griechischen Dialect-Inschriften. Bd II. Ht 1. Göttingen, 1888; № 3045 A (Селинунт), 3053, 3054 (Калхедон).

²⁷ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 123; Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 66; Toepffer. Aisymnetes (1). Sp. 1090.

²⁸ Collitz, Bechtel. Sammlung ... № 3052 (проэсимнет в Калхедоне), № 3068 (проэсимнет в Селимбрии); проэсимнет в Каллатисе – Inscriptiones Graecae et Latinae de Scythia Mineure. V. III. Callatis et son territoire, 2-me serie. № 10 (вторая четверть III в. до н.э.). Проэсимнет – председатель комиссии/ коллегии эсимнетов. Проэсимнета сравнивают с афинским эпистатом пританов. См. Toepffer. Aisymnetes (1). Sp. 1091; Latychev B. La Constitution de Chersonesos en Tauride // ВСН. 1885. IX. P. 265 f.

²⁹ Такая формулировка была предложена Э.Д. Фроловым (Рождение греческого полиса. С. 124) и приведена в книге Л.А. Пальцевой (Из истории архаической Греции... С. 68).

³⁰ Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 68–70. Г. Бузольт высказал предположение о додорийском происхождении эсимнетии в Мегариде (Griechische Staatskunde. S. 374). См. также об ионийских корнях мегарской эсимнетии: Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. S. 67, 148 f.

Однако связь эсимнетии в Мегарах с советом относится к более раннему времени, в доказательство чего исследователями приводится сохраненная Павсанием легенда об Эсимне (I. 43. 3). Согласно этой легенде, после убийства Гипериона, последнего древнего царя, мегаряне отказались от единовластия и при участии Эсимна соорудили булевтерий, получивший название Эсимний. Считается, что Эсимний – это помещение для заседаний эсимнетов³¹, таким образом, местная легенда, переданная Павсанием, относит появление эсимнетии к периоду после исчезновения царской власти (ср. с Аристотелем, который помещает эсимнетию вслед за царской властью героических времен: Pol. III. 9, 5, p. 1285a – 1285 b 3; III. 10, 1, p. 1285b 25–26).

По мнению Л.А. Пальцевой, по причине своей особенности (изначальная связь с советом) мегарская эсимнетия не вписывается в принципиальную линию развития эсимнетии, которая выстроена Э.Д. Фроловым³² на ионийском материале: от обязанности устроителя-судьи в инициативном агоне, через должность судьи в любом состязании или споре (что проявилось в использовании эсимнетов в качестве примирителей в периоды гражданских смут) к правильной магистратуре с широким спектром власти. Следует заметить, что, считая отправной точкой эволюции института эсимнетии обязанности устроителя-судьи в инициативном агоне, Э.Д. Фролов не учитывает того, что полисные магистратуры высокого ранга берут свое начало от упраздненной царской власти, причем каждая из магистратур наследует ту или иную функцию царя. Это лучше всего можно проиллюстрировать на примере Афин, где, согласно традиции, с 683/2 г. до н.э. царская власть становится ежегодной магистратурой, а *басилевс* – одним из архонтов³³. Причем, как справедливо отмечает В.С. Ленская, название «басилевс» сохранилось лишь за одним из девяти архонтов, за тем, кто, хоть и не обладал большой политической властью, но заведовал самыми «древними» делами в Афинах, т.е. был главой всей сакральной сферы и выглядел в глазах афинян хранителем устоявшихся норм и традиций, а следовательно, имел огромный авторитет³⁴.

К тому же следует учитывать, что регулярные полисные магистратуры появились раньше, чем экстраординарные, и последние не столь уж распространены. Вероятно, лучше рассматривать экстраординарные магистратуры как некое, совсем не обязательное отклонение в развитии, а не его закономерный этап, поскольку, судя по данным источников, там, где засвидетельствована эсимнетия в виде экстраординарной магистратуры, не всегда существовала ординарная магистратура с таким названием (например, в Митилене), и наоборот (на Наксосе).

Для того, чтобы правильно представить эволюцию эсимнетии, рассмотрим эволюцию термина «басилевс». Считается, что этот термин происходит от микенского слова *qa-si-ru*, обозначающего поместного руководителя. Однако *басилевс* гомеровской эпохи значительно отличается по положению и функциям от своего микенского предшественника³⁵. И хотя термин «басилевс» тра-

³¹ См. Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 67.

³² Такая линия развития предложена Э.Д. Фроловым (Рождение греческого полиса. С. 124) и приведена Л.А. Пальцевой, но с некоторыми своими комментариями, данными в скобках (Из истории архаической Греции... С. 65–66).

³³ См. подробнее об этом: Ленская В.С. Архонт-басилевс в Афинах // ВДИ. 2001. № 4. С. 126–127.

³⁴ Там же. С. 141.

³⁵ Starr. The Origins... P. 126; Папазоглу Ф. К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 23–41; Туманс. Рождение Афины... С. 66.

диционно переводится как «царь», реальное положение басилевса не соответствует этому титулу, поскольку он не был монархом в полном смысле этого слова, а только первым среди равных. Другие выдающиеся главы ойкосов также назывались басилевсами, они и составляли совещательный орган при главном басилевсе – совет. После упразднения царской власти термин «басилевс» стал обозначением некоторых полисных магистратур, а члены совета перестали называться басилевсами. Таким образом, в термине «басилевс» изначально была заложена возможность развития по двум направлениям: по линии верховный правитель – магистрат и по линии обозначения членов совета.

Возвращаясь к вопросу об эволюции эсимнетии как ординарной магистратуры, можно предположить, что и она возникла так же, как и другие магистратуры, будучи наследницей упраздненной царской власти, и в ее эволюции была заключена такая же возможность развития по двум направлениям. Своё название эта магистратура получила от обозначения главы весьма влиятельного неформального аристократического объединения почитателей бога Аполлона – эсимнета мольпов, где мольпами назывались его рядовые члены.

Таким образом, можно предположить, что мегарский вариант эсимнетии является примером развития по второй линии (обозначение членов совета), а ионийский – примером развития по линии верховный правитель – магистрат. Дорийское завоевание внесло свою лепту в развитие этого ионийского института, но не «прервав его развитие по ионийской схеме», а ограничив его эволюцию рамками совета, поскольку слово «эсимнет» не встречается как обозначение полисных магистратур. Оно, как о том свидетельствуют эпиграфические данные Мегар и мегарских колоний, продолжает употребляться еще в III–II вв. до н.э., обозначая члена дежурной комиссии совета, и даже появляется новый термин «проэсимнет» для названия главы коллегии эсимнетов.

Подведем предварительные итоги: в письменных источниках, за исключением одного упоминания схолиаста (Schol. Ad Eurip. Med. 19 = Arist. fr. 524 Rose³: «архонт кимейцами называется эсимнетом»³⁶), эсимнетия в качестве регулярной полисной магистратуры, как о том свидетельствует эпиграфика, не встречается³⁷. И наоборот, эсимнетия в качестве экстраординарной магистратуры встречается только в письменной традиции, начиная с Аристотеля, и лишь один раз – в эпиграфике, в рассмотренной выше теосской надписи. В отношении свидетельств источников об эсимнетии можно сделать следующее наблюдение. У нас есть самые ранние по времени упоминания об эсимнетии у Гомера (напомню, что слово «эсимнет» и производное от него употреблено в двух значениях – «судья на состязаниях» и «юноша благородного происхожде-

³⁶ В другом источнике (Arist. fr. 524 Rose³ = Argum. Sophoclis Oed. Tyr.) – в «Содержании» к «Царю Эдипу» Софокла – со ссылкой на Аристотеля, говорится, что «тираны прежде назывались эсимнетами». А.И. Доватур ставит под сомнение правильность показания первого источника (Политика и Политии Аристотеля. М. – Л., 1965. С. 269). Кажущееся противоречие процитированных источников может быть снято, если понимать слово «эсимнет» в широком смысле, как имеющее значение «правитель, лицо, облеченное властными полномочиями» (ср. значение глагола αἰσχυνάω). К тому же можно предположить, что в этих фрагментах речь идет о разных явлениях: в первом – об ординарной, а во втором – об экстраординарной магистратуре, ставшей трамплином для установления тирании. Следует заметить, что из двух поздних переложений свидетельств Аристотеля Э.Д. Фролов, выбирая второй, дает такой перевод: «Эсимнетом назывался (высший?) магистрат (в греческом тексте – ἀρχων)» (Рождение греческого полиса. С. 123), что косвенно может свидетельствовать в пользу нашего предположения.

³⁷ См. также об этом: *Romer. The Aisymnēteia...* P. 29.

ния, правитель»), синхронные данные эпиграфики для эсимнетии классического и эллинистического времени и свидетельства поздних античных авторов (на основе которых иногда можно реконструировать, что собой представляла эсимнетия в давние времена), но у нас нет ни одного аутентичного источника – ни эпиграфического, ни литературного, по времени раньше Аристотеля, – для архаической эсимнетии. Питтак Митиленский ни в одном из известных на сегодняшний день фрагментов Алкея, современника описываемых событий в Митилене, не назван эсимнетом, а только тираном³⁸. Античная традиция об архаической эсимнетии берет свое начало именно с Аристотеля и представлена в основном авторами конца IV в. до н.э. – первой половины III в. н.э., многие из которых находились под сильным влиянием идей Аристотеля, в итоге огромный авторитет теоретической модели, созданной Аристотелем, сказался на имеющемся единообразии информации об эсимнетии. Этот факт породил у некоторых современных исследователей скептическое отношение к аристотелевой трактовке архаической эсимнетии как «выборной тирании», т.е. чрезвычайной единоличной власти, ненаследственной, но законной, с функцией социального посредничества в условиях смуты. Так, С.Я. Лурье предположил, что данное Аристотелем определение эсимнета как экстраординарного законного руководителя государства отражает только более позднее употребление этого слова и не находит подтверждения в исторических фактах: ни Солон, ни Питтак не были названы эсимнетами ни в поэзии, ни вообще в литературе того времени³⁹.

Ключом к пониманию сути современных дискуссий может служить характеристика античной эсимнетии, данная одним из отечественных исследователей, – «это своего рода пробный камень, на котором проверяется принципиальное отношение современной науки к античной традиции о событиях архаической поры, а стало быть, и к возможностям их идейной интерпретации в том духе, как это делали древние ученые, и в первую очередь Аристотель и опиравшаяся на них классическая историография нового времени...»⁴⁰.

Многие исследователи, поддаваясь магической силе воздействия Аристотеля, воспринимают его теоретические построения буквально и переносят их в свои работы. Для тех, кто понимает термин «эсимнет» как «посредник, устроитель дел во время гражданской смуты», стало обычным причислять к эсимнетам многих известных реформаторов и законодателей архаической эпохи. Так, И. Тёпффер⁴¹ среди эсимнетов называет не только Питтака из Митилены (Arist. Pol. III. 9. 5–6, p. 1285a 29 – b 3; Diog. Laert. I. 74; Strabo. XIII. 617), Эпимена из Милета (Nic. Damasc. FgrHist 90 F 53), Тиннонда с Эвбеи (Plut. Sol. 14), Херемона из Аполлонии и Фэбия с Самоса (Theodor. Metochit. Miscell. 10, p. 668), но и Залевка из Локр (Strabo. VI. 260; Ps.-Skymn. 315), Харонда из Катаны (Diod. XII. 11). В.В. Латышев также считал, что по роду своей деятельности древнейшие законодатели могут быть названы эсимнетами, добавляя к вы-

³⁸ См. также об этом: Andrewes. The Greek Tyrants. P. 97: «Возможно, Питтак и имел титул эсимнета, но никакой другой источник об этом не сообщает, к тому же в Митилене не было регулярной магистратуры с таким названием, как это было в Милете». Другие античные авторы, более позднего времени, писавшие о Питтаке, также не называют его эсимнетом. Так, например, Диоген Лаэртский (I. 4), написавший биографию Питтака Митиленского, не использует этого термина, Страбон (XIII. 2. 3) вслед за Алкеем называет Питтака тираном.

³⁹ Luria. Kureten... S. 35. Это мнение С.Я. Лурье подверглось критике со стороны Э.Д. Фролова (Рождение греческого полиса. С. 124).

⁴⁰ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 122.

⁴¹ Toepffer. Aisymnetes (1). Sp. 1088–1092.

ше указанному списку еще Драконта и Солона из Афин⁴². И в новейшей научной литературе высказываются соображения, что многие из эсимнетов оказывались важными строителями, творцами конструктивного правопорядка и в таком качестве видными законодателями. Кроме того, отмечается, что многие законодатели выполняли функции посредников, примирителей в смуте, т.е. речь идет о двуедином явлении⁴³. Из всех упомянутых законодателей чаще всего именно Солон современные исследователи зачисляют в эсимнеты, исходя из того, что был «избран сообща посредником и архонтом» для устройства государственных дел (Arist. Athen. pol. 5. 2)⁴⁴. Следует подчеркнуть, что необычайные функции, которыми был наделен Солон, выражались лишь в слове «посредник, примиритель» (διαλλακτήης), так как занимаемая Солонем должность архонта была обычной магистратурой и не давала специальных полномочий, к тому же такой должности, как законодатель, политические институты архаической Греции не знали.

Между тем многие политические деятели, причисляемые современными исследователями к эсимнетам, самими древними не считались таковыми. Так, в работе строго следующего античным источникам Г. Берве как достоверные указаны Пасикл и Аристарх из Эфеса (Aelian. V.h. III, 26; Callimach. Fr. 102 Pfeiffer; Suid. s.v. Ἀριστάρχος – первая половина VI в. до н.э.), Эпимен из Милета (конец VIII – VII в. до н.э.), Фэбий с Самоса (середина VI в. до н.э.) и Питтак из Митилены⁴⁵. В отечественной историографии все упомянутые эсимнеты в указанных полисах считаются экстраординарными магистратами с необычайными полномочиями⁴⁶.

Несмотря на неоднозначное отношение исследователей к аристотелевой трактовке архаической эсимнетики, его «Политика» традиционно остается основным источником, привлекаемым для выяснения характера и сущности этого института. Следует отметить, что «Политика» – общетеоретическое исследование по вопросу появления и смены форм государственной власти. Аристотель, видя свою задачу в разработке способов построения наилучших государственных порядков, дает развернутую классификацию существовавших форм правления, путей их зарождения и смены, в основе которой лежит учение о добродетели. К правильным, по Аристотелю, относятся те формы государственного устройства, которые подразумевают общую пользу (Pol. III. 4. 7, р. 1279a 15–20), это – монархия, аристократия и полиция (Pol. III. 5. 2, р. 1279a 30–38).

Аристотель помещает эсимнетию среди различных видов монархии, сразу за царской властью героических времен. «Другой вид, существовавший у древних эллинов, носит название эсимнетики. Она, так сказать, представляет собой выборную тиранию (αἰρετὴ τυραννίς); отличается она от варварской монархии не тем, что основывается не на законе, а только тем, что не явля-

⁴² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. I. СПб., 1997. С. 58. Г. Бузольт тоже считал справедливым причислить к эсимнетам Залевка из Локр и Солон из Афин (Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. Харьков, 1895. С. 48).

⁴³ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 121–122.

⁴⁴ Там же. С. 122. Прим. 3; Туманс. Рождение Афины... С. 232–233.

⁴⁵ Berve. Die Tyrannis... I. S. 99, 100–101, 107; II. S. 577, 578, 582 (ссылка дается на немецкое издание, так как в русском издании не переведен второй том, содержащий примечания). «Список» Г. Берве приводится без изменений и комментариев и в работах отечественных исследователей. См., например: Фролов. Рождение греческого полиса. С. 127; Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 63.

⁴⁶ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 125, 127; Пальцева. Из истории архаической Греции... С. 63.

ется наследственной. Одни обладали ею пожизненно, другие избирались на определенное время или для выполнения определенных поручений; так, например, граждане Митилены некогда избрали эсимнетом Питтака от (против изгнанников. – *Ε.С.*) изгнанников (οἷον εἰλοντό ποτε Μυτιληναῖοι Πιττακὸν πρὸς τοὺς φυγάδας...), во главе которых стояли Антименид и поэт Алкей. О том, что митиленяне избрали Питтака именно тираном (ὅτι τύραννον εἰλοντο τὸν Πιττακὸν...), свидетельствует Алкей в одной из своих застольных песен. Он укоряет их за то, что они при всеобщем одобрении поставили тираном над мирным несчастным городом Питтака, человека худородного (τὸν κακοκάτρηδα Πιττακὸν πόλιος τὰς ἀχόλῳ καὶ βαρυδαίμονος ἐστάσαντο τύραννον μὲν ἑλαινεόντες ἀλλήεις). Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно» (*Arist. Pol.* III. 9. 5–6, p. 1285a 30–1285b 3)⁴⁷.

Приведенный отрывок из «Политии» Аристотеля представляет собой наибольшую ценность для исследователей, но вместе с тем содержит противоречия, споры о которых продолжаются и по сей день. Так, Аристотель, определяя эсимнетию как «выборную тиранию», тем не менее помещает ее среди видов монархии (т.е. правильных форм государственного устройства), а иллюстрирует эсимнетию стихотворными строчками Алкея о единодушном избрании Питтака тираном. Считается, что Аристотель был хорошо знаком с митиленской документальной традицией и полагал, что были еще и другие эсимнеты (не только в Митилене), тогда почему же он не смог привести более удачного примера эсимнета, чем Питтака⁴⁸. Объяснить этот факт пытались многие исследователи; так, Г. Берве, трактуя его как противоречие между свидетельствами Аристотеля и Алкея, пытается доказать правильность именно аристотелевского определения эсимнети. По мнению исследователя, высказывание Алкея искажает истинное положение вещей, поскольку избрание было законным, хотя власть, предоставляемая эсимнету, и являлась исключительной. И далее, цитируя «Мельничную песнь», в которой Питтак назван царем над великой Митиленой, Г. Берве полагает, что квазимонархическое положение рассматривалось доброжелателями Питтака как своего рода царствование, а врагами — как тирания, приходя к выводу, что употребление слова «тиран» не является гарантией того, что Питтак действительно был тираном⁴⁹.

Ф. Роумер подвергает критике такую позицию Г. Берве, который «не видит того, что Аристотель, признавая эсимнетию в качестве исторической формы тирании, просто избегает ловушки номинализма, классифицируя ее как одну из форм царской власти согласно теории, а не фактической истории»⁵⁰. В свою очередь, А.И. Доватур полагает, что Аристотель привлек отрывок из стихотворения Алкея, где Питтак назван тираном, для подтверждения пра-

⁴⁷ Использован перевод С.А. Жебелёва в издании: *Аристотель. Сочинения* в 4-х томах. Т. 4. Политика. М., 1984.

⁴⁸ Об этом см. *Romer. Aisymnēteia...* P. 22, 25–26.

⁴⁹ *Берве. Тираны Греции.* С. 11. Ч. Старр также не считает возможным отождествлять тиранию с эсимнетией – это разные явления (*Starr.Ch.G. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C.* N.Y., 1977. P. 68). С. Боура тоже полагает, что Питтак не был тираном, так как он не захватывал власть с помощью насилия, а был эсимнетом, выбранным народом для восстановления порядка с ограниченным сроком пребывания у власти (*Bowra C.M. Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides.* 2-nd, revised ed. Oxf., 1961. P. 136).

⁵⁰ *Romer. Aisymnēteia.* P. 27.

вильности отождествления обеих форм власти⁵¹. В. Эренберг, сравнивая эсимнетию и тиранию по способу прихода к власти, заключает, что тиран узурпирует власть, тогда как эсимнету эта неограниченная власть вручается, и его исключительное положение третьей стороны в период стасиса признается различными группами людей. По его мнению, Питтак стоит на грани между тиранией и эсимнетией⁵².

Э.Д. Фролов, также считая эсимнета социальным посредником в условиях смуты (стасиса), полагает, что Аристотель, определив эсимнетию как выборную тиранию, подчеркивает таким образом «ее чрезвычайный характер *народной диктатуры*», призванной осуществить целесообразное устройство общественных дел, ввести порядок в неустроенное и охваченное смутой общество⁵³. Защитником прав демоса, пришедшим к власти через «всеобщие выборы», считает Питтака и Л.А. Пальцева⁵⁴. Однако не совсем понятно, каким образом Аристотель подчеркивал «чрезвычайный характер *народной диктатуры*»: глагол ἐστάσαντο («установили себе»), употребленный в приведенной Аристотелем цитате из Алкея, обычно используется, когда речь идет об установлении тирании, и отнюдь не подразумевает «выборность», скорее можно думать, что некая группа поставила Питтака у власти.

Однако существует и другая трактовка данных Аристотеля об условиях появления эсимнетию в Митилене. Так, Ф. Роумер, считает, что стасис окончился с изгнанием аристократической группировки во главе с Антименидом и Алкеем, подтверждением чего могут служить слова ἐσθλαίνοντες («соглашаясь, одобряя») и ὀβλλεες («вместе»)⁵⁵, приведенные после глагола «установили себе». В соответствии с этим появление цитаты Алкея Ф. Роумер объясняет стремлением Аристотеля подчеркнуть факт *единогласного* избрания Питтака именно в условиях окончания стасиса и установления гражданского согласия в Митилене. Ради этого, по мнению исследователя, философ и поступился связностью изложения⁵⁶.

Аристотель упоминает об эсимнетии еще раз, опять же характеризуя ее как выборную тиранию, при перечислении четырех видов царской власти, вновь помещая ее вслед за властью героических времен (Pol. III. 10. 1, p. 1285b 25–26). Можно предположить, что эсимнетия как форма единоличной власти появляется в период господства аристократии после исчезновения царской власти, вместо которой аристократия учредила сменяемые высшие полисные магистратуры. Хотя это и были магистратуры высшего ранга, однако они не предполагали всей полноты обладания неограниченной верховной властью. Эсимнетия же, попеременно помещаемая Аристотелем то среди различных видов монархии, то тиранических форм правления, соединяя в себе черты и тех и других, представляет собой совсем иную форму власти, отличительными признаками которой, судя по первому приведенному пассажию Аристотеля, были: 1) добровольное и единогласное избрание; 2) не наследственный принцип занятия должности и соответственно ограниченный срок пребывания у власти (пожизненный или некоторое установленное время; 3) цель отправления должности – выполнение определенных поручений; 4) законность этой формы влас-

⁵¹ Доватур. Политика... С. 317.

⁵² Ehrenberg V. The Greek State. 2-nd ed. L., 1969. P. 45–46.

⁵³ Фролов. Рождение греческого полиса. С. 126.

⁵⁴ Пальцева. Питтак Митиленский... С. 30.

⁵⁵ См. об этом: Romer. Aisymneteia... P. 32.

⁵⁶ Ibid. P. 32–35.

ти. То обстоятельство, что эта должность была создана для выполнения особо оговариваемых поручений, которые диктовались конкретными условиями, свидетельствует о ее нерегулярном характере в отличие от других полисных магистратур высокого ранга, имевших вполне четко ограниченный набор функций и годичный срок исполнения должности.

Рассматривая вопрос о целесообразности вооруженной охраны для царя, Аристотель сообщает, что законный царь должен иметь значительную вооруженную силу, чтобы быть сильнее нескольких человек, но слабее массы граждан; «такую именно охрану давали древние, когда они назначали править государством какого-либо эсимнета или тирана (καθίστοαίεν τινα ... αἰσυμνήτην ἢ τύραννον – Pol. III. 10. 10, p. 1286b 34–40)». Из данного отрывка можно заключить, что и тиран, и эсимнет одинаково назначались «древними» управлять и получали значительную вооруженную силу от тех, кто их назначал, т.е. по способу прихода к власти и обеспечению вооруженной охраной тиран и эсимнет не различались. Однако Аристотель не уточняет, кто были эти «древние», обладавшие правом назначать/учреждать: был ли это совет, предлагавший на утверждение народному собранию чью-то кандидатуру (как это было в Афинах после Тесея: «...народ тем не менее продолжал выбирать царя из числа предварительно намеченных кандидатов, подавая за них голос соответственно их добродетелям» – Dem. LIX. 75), или все происходило как-то иначе – сказать трудно.

Последнее упоминание об эсимнетии содержится в IV книге Аристотеля: «...мы установили различие двух видов тирании, так как свойства их обеих до известной степени совпадают со свойствами царской власти: и та и другая покоятся на законном основании (у некоторых варварских племен избирают самодержцев-монархов, а в старину и у древних эллинов избирались такого же рода монархи, которые назывались эсимнетами). Упомянутые два вида тирании имеют некоторые отличия: с одной стороны, оба были видами монархического строя, как основанные на законе и на добровольном признании их со стороны подданных; с другой стороны, это были виды тирании, так как власть в них осуществлялась деспотически, по произволу властителя» (Pol. IV. 8. 2, p. 1295a 6–19). Судя по данному отрывку, можно предположить, что слово «эсимнет» обозначало законного единоличного правителя (монарха), обладавшего верховной властью и распоряжавшегося ею по своему усмотрению, а эсимнетия – форму законного единоличного правления. Также в данном отрывке речь идет о чертах сходства двух видов тираний с царской властью – законное основание и добровольное признание со стороны подданных – и их отличие от царской власти – деспотизм и произвол. Однако при этом не указаны черты, которыми эти два вида тирании различаются.

Отличия эсимнетии от тирании содержатся только в первом из приведенных фрагментов Аристотеля – единодушное избрание на должность, ограниченный срок пребывания у власти и невозможность передачи ее по наследству.

Между тем выделение ограниченного срока пребывания у власти, после чего следует добровольное сложение власти в интересах полиса (т.е. отказ от чрезвычайных полномочий) после устройства государственных дел как одной из характеристик, отличающих архаическую эсимнетию от тирании, не всегда подтверждается историческими примерами. Так, Геродот (V. 37) упоминает случай, когда тиран Милета Аристагор перед лицом внешней опасности (т.е. в интересах государства) сложил с себя полномочия тирана и установил демо-

кратию, но оставшись при этом у власти. Таким образом, можно предположить, что Аристагор отказался от присущих тирании чрезвычайных полномочий и упразднил какие-то официальные атрибуты этой формы власти. Кроме того, у некоторых современных исследователей вызвала определенные сомнения реальность разграничения эсимнетии и тирании по принципу отсутствия наследственной передачи власти. Так, Р. Нордин считает, что для самой тирании принцип наследственности не был таким уж безусловным, поскольку при установлении тирании не только не предусматривалось никаких обязательств признания положения тирана наследственным, но и, более того, не давалось никаких гарантий, что ему самому будут повиноваться в течение всей его жизни⁵⁷.

Остается один единственный критерий в теоретических выкладках Аристотеля, отличающий эсимнетию от тирании, – единодушное избрание, примером которого стал приход к власти в Митилене Питтака. Поэтому, чтобы попытаться осмыслить аристотелевское определение эсимнетии, следует остановиться на данных других письменных источников о том правителе, которого Аристотель неоднократно⁵⁸ приводит в качестве примера архаического эсимнета – Питтаке Митиленском. В мои задачи не входит поэтапное изложение событий, в результате которых Питтак пришел к власти, поскольку основные вехи политической борьбы в Митилене уже восстановлены достаточно полно, насколько это позволяют фрагменты стихотворений Алкея и Сапфо, а также сообщения Аристотеля (Pol. V. 8. 13, 1311b 23–29 – о падении олигархии царского рода Пенфилидов в результате заговора), и практически не вызывают возражений и споров⁵⁹. Известно, что до Питтака в Митилене существовали две кратковременные тирании Меланхра и Мирсила, причем с последним Питтак был некоторое время соправителем. Главный водораздел во мнениях исследователей проходит по линии оценки социального содержания правления Питтака, поэтому я остановлюсь на тех фактах источников, которые, по мнению современных ученых, являются решающими при характеристике режима Питтака и вызывают разногласия. Чтобы выяснить социальное содержание единоличной власти Питтака, часто привлекаются сведения из его биографии, и в первую очередь те, которые свидетельствуют о его происхождении.

Так, отец Питтака – Гиррадий (Diog. Laert. I. 74; Suid. s.v. Pittakos), по другим источникам – Гирр (Suid., s.v. Hyrra pais; Herodian. II. 858. 28), и был он фракиец (Diog. Laert. I. 74, ссылка на Дурида). Гезихий сообщает, что он был незнатного происхождения (Hesyh., s.v. Hyrradios). В других источниках он назван царем митиленян (Schol. ad Dion. Thrac. 368. 13⁶⁰). Сведения об отце Питтака по-разному интерпретируются исследователями. Большинство (в основном западные ученые) говорит о его принадлежности к знатному фракийскому роду, что сделало возможным брак Питтака с представительницей

⁵⁷ Nordin. Aisymnetie und Tyrannis. S. 405.

⁵⁸ См. Arist. Nic. Eth. IX. 6. 1167a.

⁵⁹ См. изложение в работах: Bowra. Greek Lyric Poetry... P. 136–155; Борухович. Из истории социально-политической борьбы... С. 33–42; Пальцева. Питтак Митиленский... С. 28–31.

⁶⁰ Басилевсом в Митилене в описываемое время назывался обычный магистрат. Феофраст передает содержание закона, введенного Питтаком, согласно которому сделки, касающиеся собственности, должны заключаться в присутствии басилевсов и притана (Stobaeus. Flor. 44. 22).

царского рода Пенфилидов⁶¹. В свою очередь, Л.А. Пальцева не считает возможным причислить отца Питтака к знати. По ее мнению, Гирр при переселении на Лесбос вряд ли мог сохранить свой высокий статус, если таковой у него вообще был; что же касается женитьбы Питтака, то тема неравного брака и презрительное отношение жены к Питтаку за его низкое происхождение не случайно обыгрываются Каллимахом в эпиграмме (ар. Diog. Laert. I. 80)⁶². Социальное положение Питтака исследовательница определяет таким образом: Питтак – представитель «новой знати», которая являла собой разбогатевшую часть демоса, стремившуюся либо примкнуть к старой знати, либо занять ее место в системе государственного управления⁶³.

С проблемой происхождения Питтака связан еще один интересный факт, который также получил противоположные толкования у исследователей. Современник и политический противник Питтака – Алкей – называет его «какопатридом» – *κακοπατρίδας* (Z 24.1, cf. D 9.4., 17, 48.3⁶⁴). В научной литературе неоднократно отмечалось, что этот термин имеет социальный смысл и употребляется в противоположность другому – *эвпатрид*⁶⁵. Для тех, кто буквально воспринимает этот термин, Питтак – выскочка из низов, человек незнатного происхождения, добившийся общественного положения и признания своими силами⁶⁶. В подкрепление своей точки зрения они приводят следующие факты: оскорбления, которыми наградил Алкей Питтака (Diog. Laert. I. 81) и которые, по их мнению, неприложимы к выходцу из аристократических кругов.

В доказательство незнатного происхождения Питтака иногда приводят сведения еще одного источника, а именно – Мельничной песни:

ἄλει μύλα ἄλει,
καὶ γὰρ Πιττακὸς ἄλει,
μεγὰλας Μυτιλήνας βασιλεύων.

Мели, мельница, мели,
И Питтак молотл когда-то,
Митилены царь великой.
(Пер. С.И. Радцига)

Эта народная песнь, подлинность которой не оспаривается⁶⁷, трактуется некоторыми исследователями как свидетельство того, что Питтак был владельцем мельницы и, возможно, пекарни, что и было его стартовым уровнем в политике, т.е. он приобрел благосостояние, обратившись к новым видам деятельности⁶⁸. Однако давно известно, что глагол «молоть» используется как метафора⁶⁹; и, кроме того, С.И. Радциг перевел существительным «царь» причастие настоящего времени «царствуя», что говорит об одновременности, а не о предшествовании, т.е. Питтак молотл не до того, как стал царем.

⁶¹ Берве. Тираны Греции. С. 118; Page D. Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of ancient Lesbian Poetry. Oxf., 1955. P. 169 f.

⁶² Пальцева. Питтак Митиленский... С. 24.

⁶³ Там же. С. 25.

⁶⁴ Ссылки на фрагменты Алкея даны по книге: Page. Sappho and Alcaeus... 1955.

⁶⁵ Борухович. Из истории социально-политической борьбы... С. 30; Пальцева. Питтак Митиленский... С. 23.

⁶⁶ Пальцева. Питтак Митиленский... С. 23–24. Мне трудно согласиться с высказыванием Л.А. Пальцевой, что «для Алкея Питтак – выходец из низших слоев общества» (там же).

⁶⁷ Например: Борухович. Из истории социально-политической борьбы... С. 42; Тронский И.М. История античной литературы. 5-е изд. М., 1988. С. 30; Schachermeyr F. Pittakos // RE. Bd XX. H1bd 40. 1950. Sp. 1863.

⁶⁸ Например: Пальцева. Питтак Митиленский... С. 25.

⁶⁹ Page. Sappho and Alcaeus... P. 170. Not. 5.

В то же время ряд исследователей считает маловероятным тот факт, что Питтак был низкого происхождения⁷⁰. В пользу такой точки зрения приводятся следующие аргументы: Питтак был ἑταῖρος Алкея и его братьев в борьбе против Меланхра, он был женат на представительнице царского рода Пенфилидов. Однако сторонники этого взгляда признают необязательным принадлежность Питтака непосредственно к той же самой социальной группе, что и Алкей. Причину же зачисления Алкеем Питтака в какопатриды они видят в выступлении Питтака против того круга аристократов, который до этого правил и хотел дальше править, а этого вполне достаточно для «деклассирования» Питтака. Такое словоупотребление у Алкея отражает не реальный факт, а лишь чувства поэта⁷¹.

Косвенным подтверждением тому могут служить следующие обстоятельства. Во-первых, победа Питтака над Фриноном, афинским полководцем и олимпийником, которую Свидя датирует 612 г. до н.э. (Suid., s.v. Pittakos). Эта победа считается решающим эпизодом в борьбе Митилены с Афинами за Сигей и Ахиллий⁷² и в политической карьере самого Питтака. Тот факт, что на решающее единоборство между двумя государствами от Митилены вышел Питтак, говорит скорее в пользу его благородного происхождения, а не наоборот. Поскольку трудно представить, чтобы интересы государства были доверены какому-то какопатриду (и это при господстве знати в эпоху архаики!), а афинский полководец и победитель на олимпийских играх⁷³ согласился вступить в бой с человеком, не равным себе по социальному статусу⁷⁴. Во-вторых, общая ситуация в архаической Греции, когда политическое лидерство было монополизировано аристократической элитой, что объясняется несколькими факторами: экономическими, психологическими (добровольное признание всеми законности такого положения), а также наличием у аристократии досуга, который требовался для занятия политической деятельностью. Политика на уровне лидеров была тем видом деятельности, который занимал все время и который становился образом жизни⁷⁵. Кроме аристократической элиты были еще и полуаристократы. Это довольно большая группа, не столь богатая и

⁷⁰ Например: Bowra. Greek Lyric Poetry... P. 51; Page. Sappho and Alcaeus... P. 169–170; Snodgrass. Archaic Greece... P. 95.

⁷¹ Bowra. Greek Lyric Poetry...

⁷² Некоторые исследователи, привлекая сообщение Геродота о борьбе Митилены с Афинами за Сигей (Herod. V. 94–95), относили описываемые им события ко времени после 560 г. до н.э., так как Геродотом упомянут Гиппий, сын Писистрата. См., например: Herbst R. Mitylene // RE. Bd XVI. Hlbd 32. 1935. Sp. 1419; Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd I, 2. B. – Lpz., 1926. S. 314 ff. Взгляды этих ученых подверглись справедливой критике В.Г. Борухова, который сам подробно разбирает этот пассаж Геродота и убедительно показывает, что данные события имели место задолго до Писистрата (Из истории социально-политической борьбы... С. 31. Прим. 11).

⁷³ Об исключительном положении олимпийников и особых почестях, оказываемых им в архаической Греции, см. Туманс. Рождение Афины... С. 185–186; Зельин К.К. Олимпийники и тираны // ВДИ. 1962. № 4.

⁷⁴ Этот поединок часто рассматривается учеными как воспроизводство древней мифологической модели царского поединка, в котором царь являлся мистическим воплощением своего народа, и поэтому единоборство двух царей решало судьбу их народов. См. Туманс. Рождение Афины... С. 199–200; Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 217. Следует заметить, что, по мнению Х. Туманса, Питтак в это время уже был «тираном и полководцем митиленян», т.е. их харизматическим лидером, «самым лучшим из них» (Рождение Афины... С. 199). Имел ли в виду Х. Туманс, что Питтак был соправителем тирана Мирсила, назвав Питтака тираном, неизвестно, но считается, что эсимнетом он был избран лишь в 590 г. до н.э.

⁷⁵ См. об этом подробнее: Finley M.J. Politics in the Ancient World. L., 1984. P. 64–66.

не такого блестящего происхождения, как элита, но она также составляла высший класс архаического общества. Наиболее способные из тех, кто стоял чуть ниже аристократов, также мог воспользоваться представившимися возможностями в период бурной политической борьбы. И именно те, кто смог воспользоваться, и получали от элиты прозвище «какопатрид»⁷⁶. Поскольку полуаристократы стремились походить на элиту в социальном аспекте, приобретая богатство и положение, то их социальные притязания и стали наиболее раздражающим фактором в глазах элиты, привыкшей считать свои права исключительными. К тому же не следует понимать термин «какопатриды» как «сливки торгово-ремесленной буржуазии», поскольку в архаическом полисе даже эти «сливки» не могли принадлежать к высшим слоям общества, которые прежде всего были землевладельцами⁷⁷.

По сути вопрос о происхождении Питтака разные исследователи трактуют, исходя из своих представлений о сущности социального посредничества. Те из них, которые полагают, что власть Питтака, будучи «выборной тиранией», являлась народной диктатурой, а сам Питтак был защитником интересов народа, считают его лидером митиленских демократов, возглавившего демократическую революцию против аристократического клана или кланов⁷⁸. Отметим, что эти историки обычно не учитывают тот факт, что ни для Алкея, ни для Аристотеля Питтак не являлся вождем простого народа⁷⁹, автоматически наделяя источники своими взглядами на сущность единоличного правления ранней архаики. Другие же, расценивая приход к власти Питтака как результат борьбы внутри самой аристократии, считают и его самого аристократом, соответственно политическая борьба в Митилене рассматривается как борьба за власть семейств или отдельных личностей высокого ранга, начиная от первого тирана до Питтака⁸⁰. Есть еще точка зрения, которая объединяет две предыдущие: тиран традиционно рассматривается как вождь низших слоев народа, а эсимнет, в противоположность тирану, – как уполномоченный общины (т.е. подчеркивается его выборность), а не самостоятельный политический деятель, он лишь укрепляет общину, не устраняя ее аристократической базы, соответственно Питтак не считается вождем низших слоев демоса⁸¹.

К сожалению, кроме упомянутого Аристотелем стихотворного фрагмента Алкея об избрании Питтака тираном, у нас нет источников, сообщающих какие-либо дополнительные сведения о том, как Питтак получил свою власть. Таким образом, другие античные авторы никак не проясняют вопрос о характере власти Питтака. Вместе с тем, как говорилось выше, литературные источники более позднего времени упоминают и других эсимнетов, поэтому следует на них остановиться.

⁷⁶ *Starr. The Economic and Social Growth...* P. 124.

⁷⁷ *Ibid.* P. 124–125.

⁷⁸ *Борухович. Из истории социально-политической борьбы...* С. 35; *Лурье С.Я. История Греции. Курс лекций / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 1993. С. 167; Пальцева. Питтак Митиленский...* С. 28–30; *Фролов. Рождение греческого полиса. С. 126.* Не только отечественные историки придерживаются такой точки зрения, некоторые зарубежные ученые, следуя за трактовкой Дионисия Галикарнасского (*Rom. Ant. 5.73. 2–3*), также считают Питтака вождем демократической революции. См. *Romer. The Aisymnēteia...* P. 27. Not. 4.

⁷⁹ Что ясно показал Д. Пэйдж (*Sappho and Alcaeus...* P. 176–177). Δῖφος у Гомера, Алкея, Гесиода и Алкмана охватывает все гражданское население, включая знатные фамилии, противостоящее только правящей власти.

⁸⁰ *Page. Sappho and Alcaeus...* P. 175.

⁸¹ *Берве. Тираны Греции. С. 120–122.*

Есть свидетельство позднего источника (XIII в.) о том, что Фэбий был приглашен в качестве эсимнета во время смуты на Самосе (Theodor. Metochit. Miscell. 10, p. 668), но больше ничего про него не известно. До его появления на Самосе мы знаем об установлении двух кратковременных тираний в середине VI в. до н.э.: некоего Демотела и Силосонта (Plut. Aetia Romana et Graeca, 303, E 9–11).

В Эфесе эсимнетами считаются Пасикл и Аристарх. Каллимах (поэт, ок. 310 – ок. 240 гг. до н.э.) назвал Пасикла эсимнетом Эфеса (Callimach., fr. 102 Pfeiffer⁸²), а Элиан (конец II – первая половина III в. н.э.) дополнительно сообщает о Пасикле: «Пиндар, сын Мелана, внук лидийского царя Алиатта, наследовав власть над Эфесом⁸³, был крут на расправу и неумолим, но выказывал любовь к отечеству... когда последовал в изгнание в Пелопоннес по приказу Креза, назначил одного из своих приближенных, Пасикла, опекуном своего сына» (Aelian. V.h. III. 26).

Итак, власть, передаваемая по наследству в Эфесе, названа тиранией, а о характере эсимнетии Пасикла сказать что-либо определенное довольно трудно, поскольку неизвестно, при каких обстоятельствах он стал эсимнетом, к тому же Элиану были чужды терминологические тонкости. Известно лишь, что Пасикл был убит молодым Меланом, чьим опекуном он был назначен. Об Аристархе есть сообщение, также позднего автора (Suid. s.v.), что он был призван из Афин и был наделен монархической властью (μόναρχον εἶχεν). Предположительно он правил Эфесом пять лет, ок. 550–545 гг. до н.э., и провел реформу фил, в результате которой расширился круг граждан, обладающих политическими правами, и, вероятно, был причислен исследователями к эсимнетам по тем признакам, которые считаются характерными для этой формы власти, а именно – законодательная деятельность⁸⁴; источники такового его не называют.

В Милете в качестве эсимнета назван Эпимен, о нем сообщает Николай Дамасский (автор I в. до н.э., перипатетик; FgrHist 90 F 53)⁸⁵. После кровопролитной борьбы за власть в Милете между Леодамантом/Лаодамом и Амфитром народ избрал эсимнетом Эпимена, который получил право убивать, кого захочет. Он не смог захватить ни одного из сыновей Амфитра (тирана в Милете, как называет его Николай Дамасский⁸⁶), поскольку они из страха обратились в бегство. Эпимен конфисковал их имущество и назначил награду за их убийство⁸⁷. К моменту избрания Эпимена эсимнетом Амфитр был уже убит сыновьями своего противника Леодаманта, которого он раньше убил в борьбе за власть, и дети Амфитра тоже бежали. Война с г. Ассесом также завершилась

⁸² Ἰστυμνας Ἐφέσου, Πασικλέες.

⁸³ Использован перевод С.В. Поляковой в издании: Элиан. Пестрые рассказы. М. – Л., 1964. В греческом тексте: Πίνδαρος ὁ Μέλανος υἱός ... διαδεξιμένος τὴν Ἐφεσίων τυραννίδα.

⁸⁴ О правлении и реформах Аристарха см. Берве. Тираны Греции. С. 127–128.

⁸⁵ Ф. Роумер полагает, что Николай Дамасский писал о легендарных, а не об исторических временах и использовал почерпнутый у Аристотеля термин «эсимнет» в качестве намеренного анахронизма, причем Николай Дамасский пишет почти так, как это делают современные исследователи, будто соглашаясь во всем с Аристотелем (Romer. The Aisymnēteia... P. 30).

⁸⁶ Использован перевод коллектива авторов: Николай Дамасский. О своей жизни и своем воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев / Пер. коллектива авторов под ред. Е.Б. Веселаго // ВДИ. 1960. № 3.

⁸⁷ Г. Берве считает, что в случае с Амфитром говорить о тираннии не приходится, поскольку, скорее всего, речь идет о раздорах внутри царского дома Нелеидов, которые и покончили с этим царством. А Амфитр назван тираном, так как он убил «справедливого и любимого гражданами» Лаодама (Тираны Греции. С. 128–129).

со смертью Амфитра⁸⁸. В данном случае можно заметить некоторую схожесть с ситуацией в Митилене: борьба лидеров аристократических кланов за власть, завершающаяся установлением кратковременных тираний, затем происходит избрание народом эсимнета. И в Митилене, и в Милете побежденные аристократические группировки покидают свою родину, спасаясь бегством/удаляясь в изгнание. Возникает вопрос: с какой же целью выбирали эсимнетов, если внешние и внутренние проблемы уже были разрешены? Интересный ответ дает де Либерио (для Милета): с целью предотвратить возможные притязания жаждавших власти и реванша сыновей Леодаманта (т.е. для выполнения определенного задания)⁸⁹. Напомню, что и Питтака граждане избрали против изгнанников, во главе которых стояли Антименид и Алкей (Arist. Pol. III. 9. 5, p. 1285a 36–1285b 3). В избрании Эпимена эсимнетом исследовательница видит знак существования своего рода соглашения между враждующими аристократическими группировками⁹⁰, с целью в дальнейшем не свергать какого-нибудь рвущегося к власти своего «сотоварища», который мог возвыситься над ними⁹¹. Таким образом, создание эсимнетии в Милете выглядит как дело рук аристократии, которая при еще неразвитых формах политического устройства полиса пыталась осуществить контроль над «высочками» из своей среды. Однако, как показывают события, создание такой магистратуры, как экстраординарная эсимнетия, которая, вероятно, задумывалась в противовес произволу тирании и должна была быть подконтрольной своим создателям, все-таки не решало полностью этой проблемы, поскольку эсимнетия, предоставляя чрезвычайную власть, хоть и на короткий срок, становилась для многих «трамплином для достижения тирании»⁹². И если неизвестно, как распорядился Эпимен своей экстраординарной должностью в дальнейшем (стал ли он тираном или нет), то Фрасибул в конце VII в. до н.э., выбранный на одну из главных государственных должностей, стал тираном Милета (Nic. Dam. FGtH 90F 52, 53)⁹³.

Таким образом, данные более поздних по времени, чем период жизни Аристотеля, письменных источников с упоминанием конкретных эсимнетов

⁸⁸ Интересная, хотя и во многом спорная, точка зрения на события в Милете высказана Р. Дрюсом, который, следуя своей задаче – отрицания наличия царской власти в геометрический период, приводит данные мифографа Конона (FgrHist 26 F 1, sect. 44) о времени правления Амфитра и Лаодама. Согласно сведениям Конона, драматические события, разыгравшиеся из-за соперничества Амфитра и Лаодама, происходили в то время, когда Бранх и Аполлон были возлюбленными, т.е. не в конце VIII в. или начале VII в., а в мифические времена. Из чего Р. Дрюс заключает, что сами милетяне допускали, что их предки стали избирать республиканских магистратов приблизительно в то же время, когда был установлен культ кабиров и оракул в Бранхидах. См. *Drewes R. Basileus. The Evidence for Kingship in Geometric Greece. New Haven – London, 1983. P. 18–20*. Вывод Р. Дрюса о допущении милетянами избрания республиканских магистратов в столь отдаленную эпоху не выглядит обоснованным, поскольку, как убедительно показал С.Я. Лурье (Kureten... S. 33, 36), в Милете эсимнетом назывался глава мужского дома, т.е. употребление слова «эсимнет» восходит к глубокой древности, когда и речи не могло быть ни о каких «республиканских магистратах».

⁸⁹ *Libero de. Die Archaische Tyrannis. S. 356*.

⁹⁰ В научной литературе соглашение или компромисс понимаются по-разному. Так, например, Г. Бузольт, говоря о возникновении эсимнетии Питтака, называет ее результатом соглашения между дальновидной аристократией и «новым классом» – торгово-промышленной буржуазией (Очерк государственных и правовых греческих древностей. С. 45–47).

⁹¹ *Libero de. Die Archaische Tyrannis. S. 356*.

⁹² См. об этом: *Виноградов. Политическая история... С. 113*.

⁹³ Обычно считалось, что Фрасибул был пританом, но Н. Эрхардт предположил, что он был эсимнетом (*Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt – Bern – New York – Berlin, 1983. S. 201*). С точкой зрения Н. Эрхардта полностью согласен Ю.Г. Виноградов (Политическая история... С. 113).

из-за своей малой информативности почти ничего не прибавляют к нашим знаниям об архаической эсимнетии и не отражают особенностей правления и способа прихода к власти тех, кого традиция называет эсимнетами. Эта терминология уже непонятна и неинтересна поздним авторам, они свободно с ней обращаются, а соблюдают ее лишь те из них, кто слепо следует аристотелевской традиции, но в таком случае они ничего к ней и не добавляют. Единственным существенным отличием, которое называет сам Аристотель и иногда упоминается другими авторами, является «всеобщее/единогласное избрание» на должность эсимнета, причем избрание эсимнетов происходило в период борьбы аристократических группировок за первенство в полисе, когда аристократия уже имела опыт установления тиранических режимов. И если предположить, что избрание эсимнетов как экстраординарных магистратов происходило все-таки по традиционной схеме, согласно которой совет предлагал кандидатуру на утверждение народному собранию, то вряд ли можно считать кандидата аристократического совета народным избранником⁹⁴. И то, что Аристотель подчеркивает факт «всеобщего/единогласного избрания», скорее может свидетельствовать в пользу достижения компромисса между борющимися аристократическими кланами и приемлемости практически для всех предлагаемой кандидатуры. Установление же тирании всегда в источниках предстает как результат победы одного какого-то аристократического клана или «партии». К тому же тирания не являлась ни официальным титулом, ни должностью, она существовала параллельно с полисными институтами, не упраздняя и не заменяя их, и поэтому требовалось обоснование законности положения тирана, что проявилось в пропаганде традиционных аристократических ценностей⁹⁵. Создание эсимнетии как экстраординарной магистратуры, которая практически ничем, кроме «единогласного избрания», не отличается от тирании, выглядит как еще одна попытка аристократии через полисные институты обосновать свое единоличное правление⁹⁶. Но, как показывает история, такой компромисс достигался крайне редко (возможно, только в теории Аристотеля), поэтому так редки примеры архаической эсимнетии в форме «выборной тирании» по сравнению с «настоящей тиранией» (Аристотель смог привести лишь один пример – Питтака Митиленского, другие же источники его эсимнетом не называют, однако примеров «настоящей тирании» источники могут привести не один и не два десятка).

Эсимнетия в форме экстраординарной магистратуры представляла собой определенный этап в развитии политической структуры греческого полиса. Появившись в разгар борьбы аристократии за установление режима личной власти, она обладала двойственностью: с одной стороны, эсимнетия как законная полисная магистратура сохраняла принцип равенства, а с другой стороны, чрезвычайный характер этой магистратуры и предоставляемая ею неограниченная власть подразумевали нарушение этого самого принципа. Двойственный характер этой магистратуры был отражением двух противоборствующих принципов – коллективного и индивидуалистического –

⁹⁴ Некоторые отечественные исследователи рассматривают тиранию как побочный продукт генеральной линии развития на пути к демократии, а архаическую эсимнетию – как частную форму общего обычая третейского судейства. См., например, *Фролов*. Рождение греческого полиса. С. 128; *Туманс*. Рождение Афины... С. 233.

⁹⁵ См. подробнее об этом: *Макаров И.А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2.

⁹⁶ На мой взгляд, это одна из возможных трактовок сведений Аристотеля. – *Е.С.*

главных определяющих политического развития Греции в архаическую эпоху. Такое объединение двух противоположностей в одной магистратуре не могло быть устойчивым: постоянно брал верх то один, то другой принцип. Соответственно и экстраординарная магистратура, не будучи воплощением какого-то одного из принципов и выражением интересов тех, кто его придерживался, не нашла широкого распространения и часто рассматривалась аристократами всего лишь как ступень к установлению тирании. Лишь тирания в глазах аристократии была настоящей целью борьбы за власть. Однако не только субъективный фактор имел значение, но и объективный – в условиях слабости полисных институтов лишь тирания могла довести до конца процесс формирования греческих государственных образований, поэтому она была столь распространена⁹⁷.

AISYMNETA: TYRANTS TRUE TO TRADITION, OR UNTRULY UNDERSTOOD TRADITION?

Ye.I. Solomatina

The author, basing herself upon the analysis of both written and epigraphic sources, examines the appearance of *aisymnetia* from the viewpoint of polis institution development in the Archaic epoch. She argues against the opinion common for Russian historiography which regards the Archaic *aisymnetia* as people's dictatorship, and considers the former to be the result of the aristocratic struggle.